

**Трансформация социально-политических институтов в России в
постсоветский период: проблемы и противоречия**

Кузьменков Владимир Александрович

Аспирант

*ФГОУ ВПО Государственный университет - учебно-научно-производственный
комплекс, Гуманитарный факультет, Орел, Россия*

E-mail: kuzmenkov-vladim@mail.ru

Долгое время после октября 1993 г., несмотря на общую демократическую направленность, доминирующей научной точкой зрения в вопросе перспективы установления типа политического режима в России являлся авторитаризм, при том, что различия теоретических позиций ученых обнаруживались не только в специфике его определения, но и в выявлении его социальной сущности.

Отдельные исследователи, такие как Д. Фурман, И. Клямкин, А. Галкин и Ю. Кра-син предостерегали о возможности установления авторитарного режима в Российской Федерации на основании ряда причин. Так, например, по мнению А. Галкина и Ю. Кра-сина, главной опасностью для России являлось «вползание» в авторитарную ситуацию – состояние, при котором правящие группировки, сохраняя фасад конституционного строя, фактически узурпировали бы властные функции, что привело бы к блокировке демократических каналов осуществления власти [Gelman, 1997, 69-70]. Это подтвердила дальнейшая практика: большая часть собственности предприятий была продана заранее намеченным владельцам за символическую цену.

Оценку социальной сущности приватизации дал российский социолог А.А. Зиновьев. Исходя из предпосылки о том, что «коммунизм есть всеобщая организация населения страны в систему отношений начальствования и подчинения» [Zinoviev, 2008, 172], он определил смысл социально-экономических преобразований как разрушение коммунистических коллективов. Формально приватизация имела целью развитие предпринимательской активности населения, переход к рыночным отношениям и отказ от патернализма советского времени. Однако латентное разрушение аграрного и промышленного секторов обернулось разрушением первичных социальных групп и изменением всей социальной среды жизнедеятельности человека.

Одной из главных проблем конца 90-х годов XX в. являлась «сверхмногопартийность», которая парализовала саму возможность управления страной, т.к. ни одна партия не обладала реальной властью в силу сосредоточения всего ресурса влияния в руках президента. А.А. Зиновьев спрогнозировал два пути выхода из ситуации: появление множества «клонированных», социально одинаковых и послушных власти партий, либо возникновение партии власти вроде КПСС [Zinoviev, 2008, 430]. По существу, А.А. Зиновьев оказался прав в своих прогнозах: во-первых, «Единая Россия» – явилась, в дальнейшем, результатом слияния ряда центристских партий; во-вторых, российский президент, легитимизирующий свои полномочия через парламент, является скрыто назначенной фигурой, что, в определенной степени, сближает выборы Президента России с выборами Генсека СССР; в-третьих, появление партии «Единая Россия» выступило способом выстраивания вертикали власти.

В целом, можно прийти к выводу, что в 1990-2000-е годы в России сама сфера социального претерпевала существенные изменения. Современное российское общество – гибрид, состоящий из нескольких политических культур. А.А. Зиновьев определяет политический режим современной России как «политический Квазимодо» в силу смешения в нем самых разных феноменов: за счет фрагментов коммунизма наше общество продолжает выживать; элементы капитализма легитимизируют власть; воскрешаются призраки дореволюционной России [Zinoviev, 2008, 427]. Одной из его важнейших характеристик выступает приватизация социальной сферы или то, что Ю. Хабермас назвал процессом «рефеодализации общественной сферы» [Melkov, 2008, 186]. Под ним он понимал обретение частными интересами непосредственных политических функций: крупные корпорации, как национальные, так и транснациональные, начинают постепенно контролировать через СМИ общественную сферу и государство. Последнее же выступает все более активным актором частной сферы, размывая границы частного и общественного, превращая граждан в потребителей. Кроме того, только элита способна сегодня артикулировать свои интересы и поддерживать свою власть через СМИ. Большинство населения обречено на поиск собственной идентичности, собственного языка, собственного самосознания, – и потому на постоянную манипуляцию со стороны власти с целью создания иллюзии тождества власти и народа [Melkov, 2008, 186-187].

Кризис социального выражается в распаде социального взаимодействия, которое предельно унифицируется и фрагментируется при активном содействии власти. Она же берет под строгий надзор любую общественную организацию, в т.ч. группы интересов, превращая их политические и потому контролируемые. По нашему мнению, крах социального напрямую связан с тяжелейшим состоянием русского народа, стоящего перед фактом схода с исторической сцены или вообще полного исчезновения. Поэтому сегодня главным выбором русского народа является альтернатива: стать лучше или исчезнуть.

Литература

1. Гельман В. Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996) // ОНС. 1997. 4. С. 64-81.
2. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М. : Алгоритм», «Эксмо», 2008.
3. Мелков Ю. Постсоветское общество – новое Средневековье // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. 3. С. 183-193.

Слова благодарности

Выражаю благодарность д.полит.н., доценту К.В. Старостенко.